

КАК НЕ СПРОВОЦИРОВАТЬ СКАНДАЛ

*КОММЕНТАРИЙ К РАССКАЗУ
УЧИТЕЛЬНИЦЫ ИЗ ПОДМОСКОВЬЯ
О БОЙКОТЕ В КЛАССЕ*

В рассказе учительницы постоянно сквозит уверенность в собственной правоте. Но в повествовании то и дело упоминаются такие подробности, которые предполагаемую рассказчицей правоту ставят под очень сильное сомнение.

В ДЕЛЕ ВИДНЕЕ

Классный руководитель узнаёт от одной из *приближённых* девочек, что в классе готовится бойкот. У меня сразу возникает вопрос: а может ли педагог узнать об этом, не прибегая к наушничеству (ведь наушничеству в деле воспитания, согласитесь, не место)?

Если кому-то из учеников в классе действительно объявлен бойкот, то мне кажется, что со стороны это всегда можно заметить. Но беда в том, что если учитель-предметник ведёт уроки по-стоеросовому, ему практически не видно, бродит в классе бацилла бойкотирования одного из учеников или нет. Вот и получается, что о бойкоте узнаёт классный руководитель, и не по поведению ребят, а «по секрету» от какой-нибудь «сознательной» Кати. А та – если это понадобится классному руководителю – может ещё и выступить на классном

Вячеслав Букатов,

*доктор педагогических
наук, профессор*

**История, рассказанная
в предыдущем материале,
может стать наглядным
пособием по изучению
того, чего следует избегать
классным руководителям
в работе с учениками.**

собрании. И это при том, что замаячивший в этой истории образ Павлика Морозова явно не является полезным ни для семейного уклада жизни, ни для школьного.

Итак, повторю, что обычно учителям-предметникам бойкот в классе не виден. Но если проводить уроки по-живому (например, в социо-игровой стилистике), то идея бойкота, если уж она начала бродить по классу, обязательно обнаружится. И, скорее всего, тут же и развеется естественным путем.

В «Хрестоматии игровых приёмов обучения» (М., 2002) предлагается много игровых упражнений, таких, как «Эстафета на скорость», «Колечки», «Испорченный телефон», «Дружное эхо», деление на малые группы с помощью различных жеребьёвок и т.д. При выполнении подобных заданий на уроках не только быстро устанавливается рабочий темп и ритм, но и достаточно быстро и эффективно нормализуются межличностные отношения между одноклассниками.

Пойдём дальше.

Ловушки доверительности

Думаю, многие классные руководители согласятся, что душевные доверительные разговоры со школьниками частенько становятся ловушками для взрослых. Нередко в эту ловушку взрослый старательно загоняет себя сам. Особенно когда идёт на поводу у собственного самолюбия.

Ведь кому из нас не хочется стать любимым учителем? Но как только учитель начинает следовать этому желанию, то тут-то его и затягивает в трясину постоянного выяснения взаимоотношений.

Ещё хуже, когда в подобную трясину взрослый попадёт не по своей воле, а по детской. Ведь некоторые ученики очень ловко умеют нами, взрослыми, манипулировать. Вспомним ту самую Катю из истории про бойкот. Сама-то учительница считает, что раз у Кати по-прежнему осталась тройка по предмету, то Катя действует бескорыстно, не по какому-то расчёту. Хотя на самом деле всё может быть гораздо сложнее, тоньше, запутаннее...

А если Катя «чихать хотела» на тройку? Конечно, пятёрка лучше, чем тройка, но зато, оказывается, и с тройкой Катя может не только попасть в любимчики классной руководительницы, но и особо выделиться среди всех остальных любимчиков.

Нашей учительнице кажется, что самое главное для её учеников – достойные отметки. Но иные ученики ценят не столько отметки, сколько выгодные взаимоотношения. Точнее, головокружительную возможность порулить взрослыми, используя отношения. А оценки – всего лишь жалкое отражение тех взаимоотношений, а порой и интриг, с помощью которых их любители пытаются вить верёвки не только из своих одноклассников, но и из своих учителей.

НАГЛЯДНОЕ АНТИПОСОБИЕ

А ведь это мы, взрослые, подаём детям дурные примеры манипулирования. И, в первую очередь, родители на это большие мастера. Они чуть что – тут же принимаются манипулировать своими маленькими детьми. Бывает, что уже с дошкольного возраста некоторые из учеников виртуозно владеют азами этого досадного искусства.

А потом к числу подающих детям пример присоединяются и учителя. У одних манипуляции выходят достаточно примитивными, топорными. Другие же, к сожалению, то и дело преподносят своим ученикам образцы весьма утончённого манипулирования.

Вспомним рассказ учительницы. Она так прямо и говорит: «Как-то я по-умному подвела эту тему». И в чём же это «по-умному» заключалось? Да в том, что она слухавила: дескать, я знаю, кто в нашем классе курит. А когда бедная Лена начала отнекиваться, классная руководительница и накинь на неё крепкое лассо: «Да, ты не куришь, но я знаю, кто». И многозначительно добавила: «А это кое-кто из твоих близких подруг».

Ну и как после этого наивной девочке не поддаться на провокацию? Она и поддалась. По сути дела, учительница не только преподавала сомнительный урок сомнительного поведения, но и своими действиями спровоцировала в классе гнус-

нейшие наговоры, разборки и расследования.

Дело тут, конечно, не в данной конкретной учительнице. Подобных примеров поведения учителей немало (что и возводит этот рассказ в ранг примечательного наглядного антипособия для классных руководителей). Похожих случаев можно по школам отыскать предостаточно. А вот надо бы, чтобы учеников окружали примеры прямо противоположные. Чтобы они то и дело сталкивались с тем, как мы, взрослые и учителя, не поддаёмся на соблазн что-то выпытать, кем-то манипулировать, выдавливая нужное обещание.

БОЛТОЛОГИЯ – НЕ ВЫХОД

Заметим, что разговоры классных руководителей с кем-то из учеников «по душам» очень похожи на излюбленную психологами рефлексию. Да и сами школьные психологи нет-нет да и грешат склонностью затевать душевные беседы, подменяя ими подлинную рефлексию. Многие из взрослых на разговорный жанр – кажущуюся рефлексию – подсаживаются как на таблетки.

Заметим, что в психотерапевтической практике все эти «разговоры за жизнь» имеют лечебную функцию и, несмотря на кажущуюся простоту, ведутся по особой научно выверенной методике. Только тогда они становятся эффективны.

Но подобный метод нужен для особых запущенных случаев. Если же этим оружием пользоваться каждый день и как попало, то ничего хорошего не выйдет.

Когда классный руководитель (или школьный психолог) усаживает всех на стулья и начинает круговую рефлексию, то в результате ученикам ничего не остаётся, как превращаться в болтунов. Тогда уж их хлебом не корми, дай абстрактно порассуждать на морально-этические темы, да ветвисто друг перед другом повысказываться, да в чужой душе на виду у всех поковыряться. Вот только к настоящей морали и пониманию себя это всё не имеет отношения.

Ступеньки к одиночеству

А почему попасть в число учительских любимчиков – это плохо для ученика? Сами-то учителя, как правило, считают, что они кого-то особо выделяют по заслугам – например, тех, у кого «обострённое чувство справедливости». Ведь именно с ними так легко (читай: удобно) работать: всегда можно рассчитывать на поддержку в трудной ситуации.

Но если ученик склонен (а значит, и научен) манипулировать взрослыми, то его интересы постоянно заняты вопросами учительского к себе расположения. Он изо всех сил пытается его заслужить, увеличить или укрепить. В результате такой ученик всё

больше отрывается от своих сверстников. А ведь пребывание в школе через несколько лет окончится, и по дальнейшей жизни этому горемыке придется шествовать в одиночестве.

Дело в том, что человеку для повседневного комфортно-эмоционального самочувствия необходимо ощущать принадлежность к своему поколению. То есть необходимо общаться со своими сверстниками (одногодками плюс-минус пять лет). Если он умеет находить с ними общий язык, общие интересы, умеет ладить с ними и договариваться, то общение со всеми другими поколениями – как старшими (предшественными), так и младшими (последующими), – как правило, не становится неразрешимой проблемой. И хотя в некоторых отдельных случаях общение устанавливается с определёнными трудностями, тем не менее, общая картина оказывается весьма благополучной.

А вот когда из-за отрыва от сверстников у человека не налажен с ровесниками эмоциональный контакт, то его, как правило, начинает одолевать чувство одиночества, тоски, уныния. И брести ему по жизни становится ой как несладко. Его даже может окружать достаточно широкий и разнообразный круг людей, но со всеми он будет плохо ладить, то и дело обнаруживая, что все они говорят якобы на чужом языке.

Первыми ступеньками этой безрадостной лестницы, ведущей к будущим провалам в персональное одиночество, зачастую оказываются те самые статусы «звёздочек» и «любимчиков», на которых привыкли строить свою работу некоторые недалёковидные учителя.

ОБМАН ИЛИ САМООБМАН?

На плечах классных руководителей лежит обязанность заниматься в классе не только успеваемостью, но и вопросами воспитания. Читаешь рассказ классной руководительницы и видишь, что, по её убеждению, учителя-коллеги учеников на уроках только учат, а воспитывать их приходится уже ей самой и, в основном, после урока. Но ведь это не так.

Рассказчица явно считает, что своими разговорами (например, во время подготовки стенгазеты или во время проведения классного часа) она вносит необходимую лепту в воспитание подрастающего поколения. В своем рассказе она даже подчеркивает: надеюсь, мол, что в следующий раз Лена остережётся сделать подлость. Но у меня, как и у многих читателей, эта её надежда вызывает большое сомнение. Давайте-ка вспомним ситуацию.

Трёх девочек (из тех, что обычно называют звёздочками) она подбивает на довольно сомнительный поступок. Дескать, мы соберём классный час, а вы подтвердите, что Лена подставила Максима.

В ответ две девочки мнутя. Меня как читателя, честно говоря, эта их реакция радует. То, что они устояли и на сговор с классной руководительницей не пошли, вызывает сочувственное уважение.

А вот что третья девочка согласилась, никакой радости у меня не вызывает. В рассказе отмечено, что у девочки, мол, обострённое чувство справедливости, – так это фиговые листочки, которыми классная руководительница пытается то ли прикрыть, то ли приукрасить своё собственное некрасивое поведение. Её действия крайне далеки от того воспитательного идеала, которым она якобы руководствуется.

В итоге она сама и выступила режиссёром того конфликта, который потом разрывала.

ПРЯМОЙ РАЗГОВОР

Предположим, учитель осознаёт опасность манипулирования. И решает запретить себе в общении с учениками лукавые формулировки типа: «Я знаю, что в нашем классе...» и уж тем более многозначительно-вкрадчивое: «Мне сказали, что...». Тогда что же ему как классному руководителю остаётся делать? Это нам сейчас и предстоит обсудить.

Представим себе вполне возможную ситуацию на классном часе, посвящённом теме курения. (Ведь вроде бы вся история с наушничеством и дальнейшим конфлик-

том закрутилась вокруг желания учительницы, чтобы девочки в её классе не курили. Но в результате всех перипетий кто как курил, так курить и продолжил. А учительницу это даже перестало волновать. Потому что вынырнула новая тема – бойкот, да ещё к тому же её родного сына.)

Учителю, решившему поднять злободневную и весьма коварную тему школьного курения и при этом избежать лукавых формулировок, остаётся спрашивать напрямую: «Кто в нашем классе курит?» (Немного толку в том, чтобы воспитывать тех, кто курит открыто. А вот с теми, кто пока ещё делает это тайком, самое время поработать.)

По нынешним временам в классе должны найтись один–два смельчака, которые не затруднятся с ответом, так как им и море по колено. Но таких может и не оказаться. Допустим, классный руководитель, хорошо зная свой класс, считает, что подобная прямолинейность вопроса неуместна. Тогда можно подстелить соломку следующим образом.

Доска разделяется на три колонки: «Мои родители не против», «Мои родители равнодушны», «Мои родители категорически против». Учитель, напомнив, что тема классного часа – курение в школе, поднимает всех учеников с мест и приглашает подойти к доске. Каждый поставит мелом галочку в одной из колонок и может вернуться обратно.

В результате ученики сами увидят, что какая-то колонка будет испещрена галочками больше других. И вот теперь – когда очерчены предлагаемые обстоятельства их житейского обихода – учителю можно и в открытую поинтересоваться: «Думаю, в нашем классе наверняка есть курящие. Интересно, кто-нибудь из курящих мальчиков или девочек может в этом признаться? Разумеется, без передачи информации за стены класса».

При такой режиссуре кому-то из одноклассников сознаваться в том, что он тайно начинает покуривать, будет не так-то уж и страшно. Дальнейшее будет зависеть от того, как учитель поведёт себя дальше. И в какую дуду будет дуть...

Опыт разногласия

А теперь давайте представим, что после заполнения колонок всё равно никто из покуривающих не сознается. Ну что ж, и это не страшно. И в том, и в другом случае класс делится на две примерно равные команды. Одна команда вытягивает жребий «за курение», другая – «против курения».

Первая команда (вне зависимости, курят её участники или нет) по жребию будет защищать тех, кто курит, исходя из того, что, раз ученик курит (как и многие взрослые в окружающей их жизни), то это его право.

А вторая команда (опять-таки вне зависимости, от того, курит ли кто-то в ней или нет) будет про-

тив тех учеников, кто тайком или в открытую курит, полагая, что хоть некоторые из взрослых и дымят, как паровозы, для детей это не повод брать с них пример.

Каждая команда обеспечивает себя двумя листами бумаги (например, сдвоенными тетрадными листками). Один листок крупно озаглавляется «ЗА», другой «ПРОТИВ». И команды, советуясь, записывают аргументы то в один, то в другой листочек.

Важно не забывать при этом свою первоначальную командную функцию. Одна команда формулирует аргументы и «за» и «против», но с точки зрения тех, кто считает, что курящие *имеют право*. А другая команда выписывает в свои листочки «за» и «против», но уже с точки зрения тех людей, которые выступают *категорически против* курения.

Через *пять (!)* минут команды обмениваются записями и каждую из формулировок соседей испытывают на прочность. В результате возникает обсуждение, в ходе которого страсти могут не на шутку накаляться.

В подобных неформально протекающих разговорах (когда говорит не учитель, а сами ученики, и не по бумажке с докладом, скачанным из Интернета) каждый из учеников будет обнаруживать, обогащать и оттачивать свою собственную точку зрения. И выражать её на языке своих сверстников и в контексте общения с ними.

Попутно каждый из учеников будет невольно выяснять вариативность мнений своих соседей. А это важно. Ведь мнение учителя они (как им кажется) более или менее представляют. Но даже незначительная разница во мнениях своих одноклассников очень часто вызывает у учеников искреннее удивление.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИЛЛЮЗИИ

Если в ходе подобной командной проверки все аргументы, выдвинутые против, рухнут (как с одной, так и с другой стороны), то это не так уж страшно. Классному руководителю не стоит отчаиваться и считать, что мероприятие не принесло позитивного результата.

В таком щепетильном вопросе, как курение (когда вокруг многие курят открыто), результат не может быть простым, однозначным и сиюминутным. Слишком очевидный результат окажется не более чем фикцией. А вот отдалённый эффект будет обязательно. И он будет достаточно позитивным даже в том случае, если на классном часе все аргументы «против» по какому-то недоразумению рассыплются. Останется сам опыт размышлений и споров, более вдумчивое отношение к проблеме курения.

А вот что действительно для учителя неэффективно – так это иллюзия, что если учеников хорошенько поругать, то они потом всю жизнь курить не будут.

Профилактика скандала

Рассказчица истории о бойкоте справедливо замечает: «Обычно, когда вмешиваешься, ещё хуже получается». Золотые слова. Вот только сама она им не следует и сама ими не руководствуется. Особенно это видно по второй части рассказа, когда рассказчице пришлось совмещать роль учительницы с ролью обеспокоенной матери. И тут, конечно, ей можно только посочувствовать.

Матерям утерпеть и не вмешиваться очень сложно. А учителю? Ведь педагог на то и профессионал, чтобы уметь терпеть, уметь сдерживаться и не вмешиваться. Профессионалы всегда помнят: вмешиваешься абы как – будет хуже. А потому если вмешиваются, то продуманно и ответственно.

Так что же делать, коль случится подобная ситуация? Повторю, выход один: заниматься делом. Воспитание – это не разговоры разговаривать, а совместные дела организовывать.

Этим делом может быть что угодно, в том числе и выпуск стенгазеты. Но только по-деловому, в рабочем темпоритме и с участием всего класса. Тогда, скорее всего, классный руководитель сможет сам своевременно увидеть, что класс заражён бойкотом. И ему не придется прибегать к наущни-

честву кого-то из учеников, чтобы узнать, в чём суть дела и за что объявлен бойкот.

Профессионализм учителя начинается с понимания, что сила ему нужна не для того, чтобы подчинять класс, а для того, чтобы обслуживать интересы учеников – всех и каждого, и желательно с максимальной пользой для их развития.

Автор рассказа – учительница явно опытная, и силы ей не занимать. Но использует она свою силу, для того чтобы подчинять – и весь класс, и каждого ученика в отдельности. Беседы с учениками ведутся ею не для того, чтобы обслужить их интересы – она думает только о своих.

А вот если бы она на самом деле обслуживала интересы учеников, то, глядишь, и прислушалась бы к Лениной просьбе – не отправилась бы к Ане домой закладывать родителям, что их дочь курит. Да и её сыну Максиму жилось бы легче (и рядом с мамой, и в классе). Да что там говорить, практически каждому ученику стало бы дышать посвободнее. Атмосфера в классе была бы более дружелюбной.

Так что лучшая профилактика скандальности – постоянная сдержанность классного руководителя и его неизменная деловая устремлённость (и на уроках, и во внеурочной жизни).